

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО
Культуролог, публицист

В 1975 году закончила историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Работала главным редактором студии кабельного телевидения СТВ г. Балтийска, редактором отдела информации радиовещания ГТРК «Янтарь», главным редактором газеты «Вестник Балтийска». Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Автор книг: «Тайны Пиллау», «Калининградский морской канал», «Под красной крышей черепичной», «Женщины Пруссии», «Поющие пески», «Нежная голубизна колючки», «Балтийские судьбы», «Храбрость и обаяние».

РУССКИЙ ФИЛОСОФ В КЕНИГСБЕРГЕ

Когда говорят о русском зарубежье, сразу вспоминают Берлин, Париж, Прагу, Нью-Йорк и другие города мира. Белым пятном в истории русского «посланничества» остается пока бывший Кенигсберг, а сегодня — Калининград, бывшая Восточная Пруссия, с которой связаны имена таких русских философов, как Ф. А. Степун (Тильзит-Советск), И. А. Ильин, дважды выступавший с лекциями в Кенигсберге, а Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977), русский религиозный философ, культуролог, писатель и поэт, жил в Кенигсберге и преподавал в университете с 1920 по 1944 годы.

В автобиографической книге «Дары и встречи жизненного пути», вышедшей за три года до смерти философа, он пишет: «...преподавал в университете на философском факультете, в качестве лектора русского языка и приват-доцента, потом „сверхштатного профессора“ по русской культуре и истории русской духовной жизни, а также по истории религии» (*Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 189*).

В Кенигсберг Арсеньев прибыл после нескольких арестов большевиками в Саратове, где работал вместе с С. Л. Франком и создал кафедру сравнительной истории религий. Выпускник Московского университета, историко-филологического факультета, автор ряда книг, знаток истории русской и мировой культуры, тридцатидвухлетний ученый оказался в Восточной Пруссии. Почему именно здесь? На этот вопрос нет однозначного ответа. Можно только предположить, что в те времена, когда Восточная Пруссия оказалась в анклавном положении, университет Кенигсберга нуждался в высококвалифицированных преподавателях. Возможно, Арсеньев хотел устроиться с работой и жильем, а затем привезти свою жену Марию Симоновну Шилкарскую.

Они поженились в 1919 году в Москве. Мария Симоновна была молодым профессором Московского университета, читала лекции на Высших женских курсах и в университете Шаньевского. Однако Гражданская война забросила Арсеньева на Дон с Белой гвардией, а Мария Симоновна оказалась в Литве, в имении Иодзяны Паневежского уезда, где умерла от тифа

в 1921 году и была погребена на Старом кладбище. Арсеньев сохранил ей верность до конца своих дней.

Дом, где жили Арсеньевы

В Кенигсберге Арсеньев в начале поселился на Кронпринценштрассе (сейчас — улица Марины Расковой). В его письмах того времени ощущается глубокая забота об оставшихся в советской России и находившихся в ссылке на Соловках сестрах и матери. Чтобы заработать средства на выкуп родственников у советской власти (до 1933 года это было возможно), Арсеньев совмещает преподавательскую работу в Кенигсбергском университете с преподаванием в Рижском, а затем — в Варшавском университете.

Он часто ездит в Европу, принимая участие в различных конгрессах и конференциях, печатается в журналах, издает книги и брошюры.

«После возвращения моих родителей в 1916 году в Россию, по окончании дипломатической службы, — вспоминал Николай Сергеевич Арсеньев, — моя мать некоторое время сидела вместе с моим отцом в большевистской тюрьме и там поддерживала его духовно. Вскоре после смерти моего отца (в 1922 году в Москве) отправилась она вслед за своими двумя младшими дочерьми, сосланными в Архангельск, где пробыла 8 лет» (Арсеньев Н. С. Дары... С. 79).

Семья Арсеньевых воссоединилась в Кенигсберге в 1933 году. Николай Сергеевич снял новую квартиру, на втором этаже дома по Регентенштрассе (сегодня улица Чапаева, дом № 3 сохранился). *«Советы выпустили их с трудом, за большой денежный выкуп, и то только благодаря усиленному вмешательству Великобританского правительства (сестра моей матери, леди Эджертон, была вдовой великобританского посла в Риме и, имея много связей в Англии, хлопотала за нее)», — вспоминал Арсеньев (он же. С. 80).* Мать ученого, Екатерина Васильевна, провела последние пять лет жизни вместе с детьми в Кенигсберге, где и была похоронена (место захоронения неизвестно). *«...Очень интересовалась она политикой, она всеми силами души желала освобождения России и низвержения большевиков, все ждала и спрашивала: „Скоро ли? Скоро ли?“ Ее кончина — 80 лет от роду — 13 августа 1938 года, была поистине высоко христианской. Уверенностью, что не может и не должно быть окончательной разлуки, радостным чувством неугасимой любви и забываемым, просветляющим душу примером для близких и дальних веет от ее смерти и от ее жизни...» (он же. С. 80).*

Дом на Регентенштрассе был практически окраиной города, и в этом тихом местечке семья Арсеньевых много читала, писала свои статьи и книги. Хозяйственные дела лежали на плечах Натальи Сергеевны. Она же по-

стоянно отслеживала появление русских в Кенигсберге, приглашала к себе в дом, во время войны навещала лежавших в госпиталях и больницах русских военнопленных и «остарбайтеров».

Глубокая религиозность была главной чертой семьи Арсеньевых. Николай Сергеевич выезжал в города Восточной Пруссии, собирая вокруг себя православных верующих. Большая русская диаспора жила в Кранце (Зеленоградске), осевшая там после революции 1905 года. Группа староверов с давних времен проживала в окрестностях Гумбиннена (Гусева). Немало русских было в Кенигсберге. При отсутствии священнослужителя Арсеньев вел службу мирским чином, собирая на большие православные праздники вокруг себя группу до пятисот-шестисот человек. Православного храма в Кенигсберге не было, и в газетах давалось объявление о богослужении в арендуемом помещении. Обычно это была Лебенихтская реальная гимназия, здание которой не сохранилось. Ориентировочно она располагалась на месте памятника советским морякам на Московском проспекте.

Свою жизнь в Кенигсберге Николай Сергеевич Арсеньев называл «жизнь на отлете». И все же она была наполнена творчеством. В 1929 году в Майнце была опубликована книга о русской литературе (*N. Arsenjev. Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhngen. Mainz, 1929*).

Это монография вышла на немецком языке. Мыслитель стремился донести до западного читателя духовную глубину русской литературы. В 1939 году в канун второй мировой войны Арсеньев издает книгу «*Heilige Moskau*» — «Святая Москва» (Картины религиозной и духовной жизни XIX столетия). Это книга об истории духовной культуры России, ее православной основы, ее художественных форм, об архитектуре, музыке, поэзии, живописи в Москве. Книга написана на немецком языке, так как была адресована в первую очередь немецкому читателю. Позже она была переведена и издана на французском языке, на русский — не переведена до сих пор, как и другие книги. «Святую Москву» Арсеньев подарил папе Римскому Иоанну XXIII во время их встречи в 1959 году.

Арсеньев писал: «*Так как первые 12–13 лет я был в Кенигсберге один, то на все вакации – летние и весенние (а иногда и рождественские) – я ездил к друзьям и родным: сначала в Баден-Баден (с 1921 до 1924–1925), затем в Париж (с 1924 до 1933 г.)*» (Арсеньев Н. С. Дары... С. 190). Здесь в 1928 году была издана его работа «Литургия и таинство Евхаристии».

Н. С. Арсеньев называет тех, с кем он встречался в Париже: княгиню М. Н. Гагарину, знатока музыки С. М. Осоргина, князя Г. Н. Трубецкого, «одухотворенного борца» П. И. Новгородцева, историков Г. В. Вернадского, С. Г. Пушкарева, историка русского языка академика Н. К. Кульмана, проф. Е. А. Ляцкого, философа проф. И. И. Лапшина, специалиста по Достоевскому проф. А. Л. Бема, знаменитого исследователя древнерусского и византийского церковного искусства проф. Н. П. Кондакова, молодого историка доцента Мстислава Шахматова.

Арсеньев писал о русском Париже: «*Здесь больше разнообразия, противоречий, кипения и столкновений, крайностей, модных увлечений*

и соблазнов, но велики при всем том и будущие импульсы философской мысли и общения между поколениями. Больше и встреч с иностранными (особенно французскими и английскими) культурными кругами – богословскими, литературными» (он же. С. 200).

По мнению мыслителя, в Париже многое было сделано в области изучения русской духовной культуры, и это многое связано с именем Н. А. Бердяева: *«Семена, разбросанные бурным и своевольным, но горячо ищущим истинной свободы, философским талантом Бердяева, очень многочисленны, и им суждено еще сыграть значительную роль в истории русской мысли и в побуждении русской молодежи к борьбе против сил, убивающих дух»* (он же. С. 201).

Во Франции Арсеньев часто бывал в доме князя Григория Николаевича Трубецкого в Кламаре, под Парижем. *«Огромная доброта, — вспоминал Николай Сергеевич, — живое пылание духа и чувство культурно-общественной ответственности кн. Григория Николаевича питали духовную энергию многих и сыграли большую роль в жизни Парижской русской эмиграции... Русские философы, богословы и общественно-культурные деятели собирались здесь не раз по вечерам за чашкой чая. И живший в Кламаре сравнительно неподалеку Бердяев, и о. Сергей Булгаков, и Карташев, и молодой, тогда еще не священник, доцент богословия Г. Флоровский, и Вышеславцев, и Бунаков-Фундаминский, и друг русских мыслителей, руководитель ИМКА-ПРЕСС, очаровательный американец д-р А. Anderson, и профессор В. В. Зеньковский (тогда еще не протоиерей), и русские ученые из других мест зарубежья, появлявшиеся иногда в Париже, — П. Б. Струве, С. Л. Франк, И. А. Ильин, всеми любимый Николай С. Трубецкой, знаток древней иконописи В. П. Рябушинский»* (он же. С. 194).

И всегда шли разговоры о России, проявлялось горячее желание служить Родине, мечталось о восстановлении свободной России.

И еще один духовный центр в Париже, который был очень важен для Арсеньева, — это переполненные лекционные залы русского эмигрантского юношеского (студенческого) центра на rue Montparnasse, куда ходила не только молодежь, но пожилые люди. Лекции проводились на средства Христианской Ассоциации молодых людей УМСА (или ИМКА). Здесь было, как замечал Арсеньев, много споров и внутренней объединенности, ряд преувеличений и довольно сильное расхождение во мнениях.

Четыре года жизни Арсеньева связаны с Парижем: с 1944 по 1948. Николай Сергеевич в Париже перенес операцию на глазах, а затем преподавал два года в Сорбонне.

В 1923 году в Берлине открылся Русский научно-исследовательский институт, где в каникулярное время Арсеньев читал лекции о религиях античности и о раннем христианстве.

В 1922 году в Берлине Арсеньев опубликовал две работы: «Античный мир и раннее христианство» и «Жажда подлинного бытия», посвященные истории мистических движений в язычестве и христианстве. В своей книге «Жажда подлинного бытия» он показал путь духовных поисков в дохри-

стианском мире. *«Лично я особенно люблю эту редко яркую книгу, — писал Р. Плетнев, — книгу устремлений ее автора к тем, кто и в глубокой древности жаждал иного, подлинного, преображенного бытия. Н. С. приводит тексты (он хорошо знает и древние языки), открывающие Основу, „основоположную Божественную Действительность, действительность, из которой все живет и перед которой все остальное бесконечно мало и ничтожно“. И во всем написанном Н. С. есть то, что Иван Александрович Ильин (1883–1954) называл „Поющее сердце“. Для Арсеньева приобщение к Богу есть касание к „совершенной полноте бытия“» (Плетнев Р. Н. С. Арсеньев // Записки русской академической группы. 1979. Т. 12).*

В 1923 году Арсеньев написал труд о явлении образа нищего Христа бедным в легендах — «Образ страждущего Христа в религиозных переживаниях Средних веков». Рассуждая о стремлении грешника к покаянию и значении милосердной жалости в сердце, Николай Сергеевич утверждает особое значение для русской духовности образа страждущего и милующего Христа.

Проживая в Кенигсберге, Арсеньев налаживает взаимоотношения с близкими по духу людьми в Праге. В 1923 году здесь возрождается основанное еще в 1919 году Булгаковым Братство Святой Софии. *«Среди его членов было много великих имен русского религиозного ренессанса: Арсеньев, Булгаков, Ельчанинов, Флоровский, Франк, Карташев, Струве, Г. Трубецкой и Зеньковский. Примкнули к ним также Бердяев и Лосский...» (Буббайер Ф. С. Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. Пер. с англ. М., 2001. С. 148).*

Говоря о русской Праге, Арсеньев продолжает список тех, встречи с которыми он называл «дарами жизненного пути»: «покоряющей доброты» епископ Сергей Пражский, его друг князь П. Д. Долгоруков, О. М. Врангель, о. Михаил Васнецов (сын художника В. М. Васнецова), профессор П. Б. Струве

Со всеми этими людьми Н. С. Арсеньева роднили не только духовная близость, но и надежды и устремления, которые были связаны с ролью русской культуры в построении будущей России. Смысл истории человечества для Арсеньева в свете истинном, в любви к этому свету. Мыслитель видел смысл русской эмиграции в служении культуре. Культуру он рассматривает как всеобщее достояние и порождение народной жизни. Ценности культуры всегда конкретны и укоренены в народной жизни. Величайший дар, который принесла эмиграцию миру, — писал Николай Сергеевич, — это был ее зов к Богу.

«А Русская Прага, то есть Прага сосредоточенной русской эмигрантской работы на фоне невероятной архитектурной красоты с ее потрясающе величественными Храдчанами, дворцовым холмом за рекой и всей „Малой строной“ дворцов богемской знати эпохи Возрождения или Барокко, церквями и монастырями, с великолепными садами, общественными и частными, при дворцах магнатов! Помню сады в стиле итальянского барокко XVII века при доме-дворце графов Врба — с терра-

сами, расположенными друг над другом, причем ступеньки с террасы на террасу шли через таинственные базальтовые гроты с бьющими в глубине источниками» (Арсеньев Н. С. Дары... С. 195).

На фоне насыщенности историей и культурой Чешской королевской власти, Римской империи, иезуитского ордена в Праге создан и скромный, уютный оазис русской культуры. Его представляли православные приходы, Русский Профессорский дом (П. И. Новгородцев, братья Вернадские, Максимович, Пушкарев, Кульман), Кондаковский семинар по изучению древнецерковного искусства. В центре же духовной культурной жизни Праги стоял епископ Пражский Сергей (Королев). О нем Арсеньев вспоминает, как в голодное время отец Сергей шел на рынок с мешком, покупал овощи и фрукты, приходил домой, варил картошку и свеклу, а потом в этом же мешке на спине разносил их по больницам, навещал одиноких стариков на квартирах. По вторникам он устраивал чайные приемы у себя в комнате, куда приходили старики и студенты, с которыми он говорил о «благодати общения».

Были в Праге другие носители «благодати общения». Это близкий друг епископа Сергея, князь Петр Дмитриевич Долгоруков (для Арсеньева — дядя Петрик), и его жена — княгиня Антонина Михайловна. В Праге их называли «наши святые князья». Они накрывали столы для студенческой молодежи. И эти студенты, закончив образование, присылали пироги для новых студентов. О Петре Дмитриевиче Арсеньев отзывается особенно тепло, потому что он напоминал ему отца. Некоторое физическое сходство (троюродный брат) рождало большую и нежную симпатию. В свое время родители Арсеньева очень дружили со старшим братом Петра Дмитриевича — Николаем Дмитриевичем, Черниговским губернским предводителем, и в честь него назвали своего сына Николой. Николай Сергеевич Арсеньев о дяде Петрике писал: *«Он был, как и его брат, и Григорий Николаевич Трубецкой, и проф. Карташев, и Ариадна Владимировна Тыркова, одним из преданных сотрудников, „знаменосцев“ белого движения в Западной Европе и среди эмиграции вообще, — другом и почитателем генерала Врангеля. Он неустанно боролся за пробуждение национального чувства и чувства непримиримости к советской власти. И с этим соединялась горячая христианская вера»* (он же. С. 200).

В Архиве русского зарубежья, в Доме М. Цветаевой есть книга Н. С. Арсеньева «Из жизни духа» (Варшава, 1935), дарственная надпись автора на ней гласит: *«Дорогому дяде Петрику от любящего и благодарного племянника Николая»*. После этой записи следует уже официальная: «Экземпляр поврежден во время бомбежки в Варшаве».

«Дядя Петрик, — писал Арсеньев, — был вице-председателем первой государственной Думы. Семья не поддерживала кадетские взгляды братьев близнецов. Но в 1926 году, встретившись с ним на эмигрантском съезде в Париже, я был очарован его благородством и добротой. И с этим соединялась горячая христианская вера, сообразно которой он жил. Это был истинный служитель Божий, праведник и служитель России. И как много у него было юношеского жара, любви к красоте!» (он же. С. 199).

Центром притяжения русской эмиграции в Праге была и Ольга Михайловна Врангель, о которой Арсеньев писал, что она сияла тихим светом доброты, при большом уме, сердечном такте и подлинном чувстве юмора. Она хлопотала за тех, кто был в особенно трудном материальном положении, мирила или старалась примирить враждующих.

В Праге также активно действовала Академическая Группа. При материальной и моральной помощи Чехословацкого правительства, президента Масарика, известной в истории эмиграции как «русская акция», были созданы в начале двадцатых годов различные профессиональные и научные институты. Их профессорами стали передовые ученые-эмигранты, а студентам-эмигрантам выдавались стипендии. «Русская акция» также способствовала возникновению в Праге знаменитого уникального Семинара академика Н. П. Кондакова, научного института по изучению иконописи, древнерусского, византийского и восточного искусства в сравнительно-историческом плане. Существовали и другие эмигрантские учреждения, например, Народный университет в Праге, способствовавший изданию научных работ своих сотрудников. Таким образом, благодаря этим академическим группировкам русского зарубежья, сохранялись и спасались от уничтожения русская наука и русская культура, особенно в плане гуманитарных и общественно-политических дисциплин (*Жернакова Н. Русская академическая группа в США. New York: The Association of Russian-American Scholars in the USA, 1996*).

По выражению Арсеньева, «семена истинного христианства» сеялись в Праге епископом Пражским Сергием, о. Михаилом Васнецовым, архимандритом Исаакием, П. И. Новгородцевым, профессором Кондаковым и многими другими. Семена эти сеялись *«в сердца русского молодого поколения, собиравшегося здесь из разных стран. Великое дело сделала русская Прага. Не могут эти семена пропасть бесплодно»* (Арсеньев Н. С. Дары... С. 200).

В течение двенадцати лет, с 1926 по 1938 годы, работая в Кенигсбергском университете, Н. С. Арсеньев был также профессором по Новому Завету, по истории религии и сравнительному богословию *Studium Theologiae Pravoslavnej* в Варшавском государственном университете, читал также курсы: «Основы теологии» и «Догматическая теология».

Приглашение Н. С. Арсеньева в Варшавский университет состоялось благодаря рекомендации русского философа Н. О. Лосского, работавшего тогда в Праге. Лосский вспоминал: *«В марте 1925 года я был приглашен в Варшаву прочитать две лекции в Польском философском институте. Много хлопотал о том, чтобы приглашение состоялось, Ф. Я. Парчевский, бывший моим слушателем в Петербургском университете. Одной из целей этого приглашения было намерение предложить мне кафедре философии на Православном отделении Богословского факультета в Варшавском университете. Мне намекали при этом, что со временем я смогу получить кафедру и на философском факультете. Уже едучи в Варшаву, я решил, что никоим образом не приму этого предложения... Тяжело было для меня то, что польское общество, имея в виду наличие во*

мне польской крови, выдавало меня за поляка. Несмотря на мою симпатию к польскому народу и признание его высоких духовных достоинств, все это шло вразрез с моим русским национальным сознанием...

...Когда мне задали вопрос, кого я посоветовал бы пригласить на Православное отделение для чтения философских лекций, я особенно указывал на Н. С. Арсеньева. Он действительно был приглашен и с тех пор периодически приезжал в Варшаву, продолжая жить в Кенигсберге и преподавать в тамошнем университете» (Лосский Н. О. Воспоминание (окончание) // Вопросы философии, 1991. № 12. С. 104).

В феврале 1926 года ректор Варшавского университета профессор Стефан Пеньковский обратился в Министерство с просьбой утвердить договор с профессором Н. С. Арсеньевым в объеме четырех часов лекций и четырех часов практических занятий еженедельно в должности профессора надзвычайного (*nadzwyczajnego*), он сопровождал ее характеристикой: «Работы г-на Арсеньева отличаются серьезным научным подходом, благодаря которому они нашли полное признание в профессиональных кругах... Г-н Арсеньев фактически обладает квалификацией профессора звычайного (*zwyczajnego*), и если он не утверждает на эту должность сейчас, то только по причине того, что Министерство не выделило соответствующего кредита...» (Колобкова Л. В. Н. С. Арсеньев в Варшавском университете. 1926–1938 // Русское зарубежье: Приглашение к диалогу. Калининград, 2004).

Позже Н. С. Арсеньев не только читал лекции в Варшавском университете, но и заведовал кафедрой Нового Завета и сравнительной теологии. Он руководил и дипломными работами студентов.

В Варшавском университете Н. С. Арсеньев работал вместе с архимандритом Илларионом (Васдекасом), проф. Александром Лотоцким, проф. Михаилом Зузыкиным, проф. Дмитрием Дорошенко, Владимиром Кулаковым, В. Бидновым, И. Огиенко. Большой любовью студентов пользовался преподаватель патрологии архимандрит Григорий (Григол Романозович Перадзе), который служил также в Кафедральном соборе Св. Марии Магдалины в Варшаве. Он погиб в 1942 году в Освенциме, будучи участником Варшавского сопротивления. Архимандрит добровольно пошел на смерть вместо другого заключенного. В 1995 году он причислен Грузинской Православной Церковью к лику святых, является также святым Польской Православной Церкви.

Н. С. Арсеньев стоял у истоков общества, члены которого позже объединились вокруг журнала «Путь». Это издание утверждало безусловный приоритет этико-религиозного фактора в историческом процессе. Основой внешних изменений, полагали идеологи этого объединения, может быть лишь духовная эволюция человечества, религиозное углубление жизни, поэтому основополагающим элементом идеологии, которая обеспечивала бы желательное развитие русского государства, являлось христианство, и именно в его православном варианте. Православие, считали путейцы, есть лучшая форма христианства, наименее уклонившаяся в своем историческом бытовании от заветов Иисуса.

Участие Арсеньева в журнале выразилось в публикациях как аналитического, так и обзорно-информационного характера: «Пессимизм и мистика в древней Греции», № 4–5; «О духе нашего времени», № 6; «Движение к единению христианских церквей и проблема современного мира», № 31 и другие.

В 1926 году в журнале «Путь» (№ 3) выходит работа Арсеньева «Об избыточествующей жизни. Мистика и Церковь» (с. 114–115). Арсеньев выступает мистиком, для которого определяющим качеством православного христианина является соборность.

Для Н. С. Арсеньева, как и для многих российских интеллигентов, религиозных философов, считавших себя носителями и хранителями национальной культуры, главным оставался моральный стимул поведения, осознание собственной, если не мессианской, то, несомненно, исключительной — исторической миссии. Чтобы помочь консолидации различных ветвей эмигрантской религиозной философии, Г. В. Флоровский в 1922 году предлагал соратникам по евразийству организовать выпуск периодических сборников, посвященных задачам православного творчества, под заглавием «Вечные устои» (ГАРФ, ед. хр. 491. Л. 12–13).

Редактировать эти сборники, по замыслу Флоровского, должны были П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой и сам их инициатор. К участию в сборниках Флоровский надеялся привлечь С. Н. Булгакова, Н. С. Арсеньева, Г. В. Вернадского, П. М. Бицилли, Д. П. Святополка-Мирского.

Из переписки Флоровского с Трубецким известно, что Флоровский планировал привлечь Н. С. Арсеньева к сотрудничеству в журналах. Арсеньев вместе с Меллером-Закомельским составил план изданий. Это план общедоступных сборников о православии со статьями «скорее компилятивно-начинающими, нежели оригинально-изыскательными». Арсеньев посчитал необходимым предложить свои темы: о мистике Запада и мистике Востока, об идеале совершенного человека по «Добротолюбию». Во втором томе «Устоев» предполагались статьи Н. С. Арсеньева: «Православный аскетизм» и «Преображение твари». В письме Флоровского к Трубецкому констатируется: «*Арсеньев произвел хорошее впечатление на Савицкого, мне пишет покорные духовно письма, и полезен поэтому: он дает то, чего не хватает „ищущим“, — факты*» (Соболев А. К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI, 2002, № 5. С. 166).

В евразийстве Н. С. Арсеньева привлекала идея объединения на основе Православия. По мнению Н. С. Трубецкого, «непрерывная традиция есть одно из непременных условий нормальной эволюции» (Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. СПб., 2001. С. 302).

На этом строится и культурология Н. С. Арсеньева. В его работах о русской жизни, о России говорится: «*Героизм в соединении с простотой смирения можно определить как тот идеал, который русский народ видит перед собой всегда, если только душа его не целиком оторвана от своих истоков*», истоки же эти — «в смиренной духовной трезвости

Православия», «в динамически развивающейся традиции» (*Arseniev N. Die geistige Schiecksale des russischen Volkes. Graz, 1966. P. 124*).

Оказавшись в эмиграции, русская интеллигенция встала перед проблемой сохранения как своего национального культурного единства, так и контактов с другими христианскими конфессиями, вела с ними диалог. Особенно активно встречное движение выразила Англиканская церковь. Экуменическое движение в русском зарубежье — молодежное движение, перенимавшее опыт западных организаций, повторявшее их практику, получило название — Русское христианское студенческое движение.

Никогда речь не заходила о какой-либо унификации, о достижении компромиссной позиции по основным разногласиям догматического или литургического характера. Их взаимоотношения сохраняли характер корпорации, братства, причем каждый из партнеров признавал самостоятельность другого и уважал его таинства, соглашаясь вместе с тем искать пути сближения позиций по церковным и социальным проблемам. *«Некоторые лидеры и его идейные наставники, например, Г. В. Флоровский и Г. П. Федотов, установили тесные интеллектуальные связи с Англией. Конференции стимулировали пробуждение у русских интереса к социальным течениям на Западе»* (Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., Прогресс-академия, 1994. С. 296).

Н. С. Арсеньев был членом Всемирного Союза Христианских Церквей, участвовал в католических конгрессах, в Лозаннской конференции (1927), проходившей под девизом «Вера и устройство Церкви», и Эдинбургской (1937).

Ученый отметил, что на Лозаннской конференции Католическая Церковь *«не была представлена (она относилась к экуменическому движению в своих верхах сначала критически и даже враждебно, позднее с большим, и даже сочувственным интересом, но все же с известной сдержанностью)*. Православную Церковь представляли двадцать пять человек из пятисот участников. *И хотя не было особой надежды найти общий язык между всеми представителями различных церквей, но общая резолюция получила свою сердцевину. Что могли христианские церкви принести миру? Они могут и должны принести миру то, что, для чего они существуют: благовестие о Христе, как воплощенном слове Божьем, пришедшем в мир для спасения мира»* (Арсеньев Н. С. Дары... С. 145).

В старинном английском городке Сент-Олбанс (святой Албаний был первым святым мучеником в Англии) проходила конференция Содружества Св. Албания и Св. Сергия. *«На святках, — как вспоминал в 1979 году С. А. Зеньковский, профессор истории, племянник В. В. Зеньковского (отца Василия), — было начало продолжающихся и до наших дней встреч православных и англикан, по преимуществу студентов, профессоров и духовенства, с целью выяснить общие богословские положения и интересы и постараться найти пути сближения этих двух вероисповедований»* (Зеньковский С. А. Памяти Николая Сергеевича Арсеньева // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1979. Т. 12. С. 10).

Идеи сближения различных ветвей христианства Н. С. Арсеньев слышал с юного возраста. Князь Юрий Алексеевич Долгорукий и его жена Елизавета Петровна (урожденная Давыдова) были родителями бабушки Николая Сергеевича по отцовской линии. Супруги были в дружбе с митрополитом Филаретом. Елизавета Петровна ездила в молодости в Саров к преподобному Серафиму, ценила сочинения швейцарского пастыря Александра Винэ (1797–1847), профессора истории литературы Лозаннского университета, проповедника и автора ряда богословских и историко-литературных трудов. Винэ мечтал о сближении между христианами, о взаимопонимании, особенно между протестантами и католиками. Арсеньев писал: *«Он указывал и тем, и другим, что Евангелие говорит об основоположной силе благодати Христовой, творящей нового человека, призванного к активности, мужественному подвигу и непрестанному возрастанию духовному. Это приближает его к православному воззрению на характер духовной жизни»* (Арсеньев Н. С. Дары... С. 136).

В 1842 году князь Юрий Алексеевич Долгорукий специально приехал в Лозанну для встречи с Винэ и пробыл там две недели (с 6 по 19 мая) и каждый вечер — от 6 или 7 до 11 часов проводил в интенсивных беседах с Винэ. О встрече с гостем из России Винэ в письме своей дочери сообщал: *«Пребывание иностранца оставило глубокий след в моей памяти. Он провел это время в Лозанне специально ради меня, так как он думал, что может много от меня получить, и от которого на самом деле я получил много»* (Арсеньев Н. Встречи христианского Востока и христианского Запада в русской духовной жизни последних двух веков // Возрождение, 1969, октябрь. С. 89–103).

Оказавшись в эмиграции, Николай Сергеевич часто посещал Англию, приезжая из Кенигсберга в Оксфорд, Кембридж и их колледжи. Его привлекала напряженная духовная и умственная атмосфера этих учебных заведений. Он отмечал красоту литургической службы в величественном соборе «Королевского» колледжа в Кембридже с «серебряными голосами хора мальчиков», гимны, полные устремления к «полноте Церкви».

В 1959 году произошла памятная для Н. С. Арсеньева встреча с Папой Римским Иоанном XXIII. У них был продолжительный разговор в Кастель Гандольфо. Арсеньев вспоминал в книге «Дары и встречи жизненного пути» (с. 170), как он задал вопрос Папе, которого считал святым, как он видит объединение Церквей, и получил ответ: «Знаете ли Вы, из чего я исхожу? Я исхожу из молитвы Господней — от первых трех ее прошений: Да святится Имя Твое! Да придет царствие Твое! Да будет воля Твоя! Если Его имя будет прославляться в нас и через нас, если придет к нам и будет царить в нас и руководить нами Его царство, если Его воля будет твориться в нас и через нас — тогда мы будем все едины».

В 1964 году Арсеньев был представлен Папе Римскому Павлу VI. В сентябре 1965 года философ был приглашен в качестве наблюдателя и гостя на 4-ю сессию Второго Ватиканского Собора, где присутствовал на ряде заседаний.

«В России уже в XVIII–XIX веках, – отмечал Арсеньев, – возникла потребность ощутить единство христиан, и потрясения XX века лишь усилили эту тягу: „В тишине, трезвенно и осторожно, в великой верности своей Церкви выростала в некоторых российских кругах Русской Православной церкви большая потребность ощутить единство со всеми христианами, верующими в того же единого Господа; внимательным и ответственным изучением предмета, дружеским общением с западными христианами и собственным ростом духовным готовить и расчищать почву для взаимного понимания“» (Арсеньев Н. С. Дары... С. 142).

К теме единства христиан Арсеньев будет неоднократно возвращаться в своих работах. Он считал, что «истинно экуменическое движение» не противоречит православию, а из него вытекает, так как Православная Церковь выступает носителем древнехристианского предания, а экуменическое движение по сути — это возвращение к раннему христианству (Арсеньев Н. С. Единый поток жизни. К проблеме единства христиан. Брюссель, 1973. С. 129).

«Одним из величайших даров, – писал Арсеньев, – полученных мною в жизни, было то, что я в течение долгого времени был свидетелем живых примеров христианской праведности, более того – примеров такой христианской жизни, которая, судя по плодам ее и силе воздействия в любви, приближалась к святости (решаюсь сказать даже это). Это было горение перед Богом, смиренно мудрое, не бросающееся в глаза, но покоряющее любовью – безмерным, самозабвенным, смиренным служением любви. Вдохновение этого горения было христоцентрично... И как вдруг в свете духовного горения таких людей раскрывались перед взором и источники христоцентричного горения и других праведных людей (например, и христианского Запада), живших из того же источника – тем же пришедшим в мир Господом Иисусом. Вот первые бессознательные практические уроки „экуменизма“ (оставим, впрочем, это слово ввиду его непопулярности среди ряда серьезно верующих людей – непопулярности, вызванной промахами и ошибками, а также тенденцией к обмирщению, секуляризации и „политизации“ веры, обнаружившейся в последнее время у многих деятелей этого нынешнего „экуменического движения“). Ощутить это христоцентричное горение в других горячо верующих и жизнью своей об этом свидетельствующих христиан, принадлежащих даже не к нашей Церкви, а к другим христианским исповедованиям: вот первый шаг к обретению всеми нами, христианами, утраченного (но не вполне, не в глубине своей) единства» (с.130–131).

В 1945 году Арсеньев с семьей оказался во французском лагере для «перемещенных лиц», известном под названием «ди-пи», где находились, помимо военнопленных, фольксдойче, остарбайтеров и других, эмигранты первой волны, в том числе ученые, инженеры, врачи, техники. Им приходилось по пять-шесть лет ждать в лагерях своей участи в страхе перед репатриацией в СССР.

Большую роль в спасении русских ученых от репатриации в послевоенной Европе сыграл Толстовский фонд (Tolstoy Foundation, Inc.) — русская эмигрантская благотворительная организация, созданная в Нью-Йорке (15 апреля 1939 года) младшей дочерью Л. Н. Толстого Александрой Львовной Толстой (1884–1979) с целью оказания помощи русским беженцам на территории Европы.

Из французского лагеря был вывезен в США профессор Николай Сергеевич Арсеньев с сестрой Верой и братом Юрием.

Но возвратимся снова в Кенигсберг. А. В. Трубецкой, рассказывая о своем посещении Кенигсберга во время войны, писал: *«Поздно вечером мы были в Кенигсберге. (Это была зима 1943 года.) Крытый перрон, большой вокзал. Сдали вещи и вышли в темный город. Трамвай! Последний раз я видел трамвай в Москве. Поехали. В вагонах тускло горят синие лампочки. В занавешенных окнах есть только горизонтальные просветы засиженного стекла. В них иногда видны силуэты больших черных домов без единой светлой щелочки. Ехали долго, прогромыхали по двум мостам. Вылезли и пошли по темной широкой улице (сейчас проспект Мира) с небольшими двух- и трехэтажными домами, обсаженными деревьями. Миновали один или два перекрестка, свернули налево на Regentenstrasse (сейчас улица Чапаева), вошли во дворик второго дома, поднялись на второй этаж и попали в объятия к Арсеньевым, в милую, как будто давно знакомую и родную русскую семью»* (Трубецкой А. В. Пути неисповедимы. М., Контур, 1997. С. 83).

В августе 1944 года Кенигсберг подвергся английской бомбардировке. Значительно пострадало и здание университета, где располагался философский факультет (на бывшей Параденплатц, сегодня — улица Университетская, 2, одно из зданий нынешнего РГУ имени Канта).

Один из жителей Кенигсберга вспоминал, что в год четырехсотлетия Альбертины (так назывался Кенигсбергский университет, образованный в 1544 году герцогом Альбрехтом) последняя лекция, прочитанная студентам, была о творчестве Ф. М. Достоевского. *«Две бездны, — писал Арсеньев, — ужасали Достоевского: космическая и внутренняя жизнь. И лишь бездной Божественной любви может заполниться бездна нашего страдания»* (Арсеньев Н. С. Смысл творчества Достоевского // Воскресное чтение. Варшава, 1932).

Как и многим другим семьям, Арсеньевым пришлось пережить еще немало страданий на чужбине: в Париже и Нью-Йорке.

В Калининграде сохранился дом, где жила семья Арсеньевых. Стены его молчаливо говорят о своих необычных жильцах. Хорошо бы установить на этом доме мемориальную доску. Пока городские власти включили дом в план капитального ремонта на 2010 год.